

ПУШКИН ПОСЛЕ ВОССТАНИЯ ДЕКАБРИСТОВ И КНИГА МАДАМ ДЕ СТАЛЬ О ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

За несколько месяцев до декабрьского восстания, в письме к П. А. Вяземскому от 15/IX 1825 г., Пушкин писал: «М-те Staël наша — не тронь ее»¹. Одно слово «наша» — и вся система воззрений Сталь оказалась включенной в мир Пушкина. Но Пушкин включил мировоззрение Сталь не только в свой собственный мир. Не «моя», а «наша», множественное число знаменательно. Сталь принадлежит ко всему лагерю передовых мыслителей эпохи, как французских, так и русских.

Однако не одни и те же идеи оказались близки Пушкину до 14/XII и после восстания декабристов в сложной, весьма противоречивой политической системе Сталь. В каждый из названных периодов Пушкин выделяет из воззрений Сталь то, что в этот момент ему особенно близко. Если в первый период для Пушкина представляют особый интерес страстное свободолобие Сталь, ее мысли о деспотизме и свободе, о тираноубийстве, ее анализ событий с политической точки зрения, то после декабрьского восстания для Пушкина особую важность приобретают гуманизм Сталь, проблемы просвещения, ценности культурно-исторических традиций и связанный с этими проблемами вопрос о роли дворянства в развитии общества.

В настоящей статье не ставится задача изучения всей системы политических воззрений Пушкина после декабрьского восстания. Оставляя в стороне вопрос об особенностях общественно-политических взглядов поэта в различные периоды

¹ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в десяти томах. Издание третье, АН СССР, т. 10, М.—Л., 1965, стр. 182. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы.

последнего десятилетия его жизни, мы ограничиваемся лишь указанием на те проблемы, интерес к которым оказался общим для Пушкина и М-м де Сталь. Речь не идет о прямом влиянии французской писательницы на русского поэта, о поисках каких-либо реминисценций, а о некоторой перекличке идей, общности их некоторых важных взглядов. Раскрытие концепции Сталь в некоторых случаях может помочь прояснению взглядов Пушкина. «Ее политические произведения глубоко отразились в политическом мышлении Пушкина. Не учитывая концепции Сталь, мы не можем оценить надлежащим образом ни отношение к французской революции, ни смысл его социально-исторических замечаний»².

Неудача декабристов, жестокая расправа над ними вызвали глубокий духовный кризис у Пушкина, привели к трагическим раздумьям поэта над судьбами России и человеческой историей. Стремясь осмыслить причины неудачи декабризма, Пушкин обращается к социологии и истории, противопоставляет чисто политическому подходу к действительности интерес к более широкому «человеческому» — этическому — ценностям. Речь не идет о какой-либо аполитичности Пушкина, поэт ей чужд. Верность многим идеалам декабристов, стремление поддерживать их, напоминать о них³, попытки воздействовать на Николая I⁴, жадный интерес к событиям во Франции 1830 г.⁵ к жизни Англии⁶ и Америки и, наконец, глубочайшее внимание ко всем событиям русской жизни, нашедшее отражение на страницах дневника, в письмах и произведениях в конце 20-х и в 30-х гг. — лучшее свидетельство гражданской активности Пушкина. В письме к Чаадаеву от 9/X 1836 г. он писал о равнодушии к общественным проблемам: «Это отсутствие общественного мнения, это безразличие по отношению к тому, что является долгом, справедливостью и истиной, это циничное презрение к мысли и достоинству человека приводят в отчаяние» (т. 10, стр. 598).

После 14 декабря 1825 г. Пушкин заново переоценивает социально-политические системы эпохи, отказывается от многих иллюзий юности. Его взгляды на историю и народные судьбы становятся гораздо реалистичнее. Испытав разочарование в дворянской революции, бесконечно далекой от наро-

² Б. В. Томашевский. Пушкин и Франция, Изд. «Советский писатель» Л. 1960, стр. 153.

³ См.: Б. С. Мейлах. Пушкин и декабристы после 1825 г. Пушкин. Исследования и материалы. II, Изд. АН СССР, М.—Л., 1961.

⁴ См.: В. В. Пугачев. К эволюции политических взглядов А. С. Пушкина после восстания декабристов. Ученые записки Горьковского гос. университета, серия историко-филологическая, 1966, выпуск 78.

⁵ См.: Б. В. Томашевский. Пушкин. II, Изд. АН СССР, М.—Л., 1961.

⁶ См.: Н. К. Козмин. Английский пролетариат в изображении Пушкина. Пушкин. Временник пушкинской комиссии 4—5 Изд. АН СССР. М.—Л., 1939.

да, в тактике карбонариев («Но какой же народ вверит свои права тайным обществам и какое правительство, уважающее себя, войдет с оными в переговоры?» (т. 7, стр. 59) и в народном бунте, не видя «золотого века» позади, не принимая действительности, не обольщаясь и буржуазным парламентаризмом («Слова, слова, слова» (т. 3, стр. 369), Пушкин ищет выход в обращении к человеческим ценностям, гуманности, просвещению, нравственности, «милосердию». Эти мысли во многом перекликаются с проблематикой «Взгляда на основные события французской революции» Жермены Сталь.

В представлении писательницы прогресс неотделим от человечности и нравственности. Только тот общественный деятель истинно велик, кто способствовал совершенствованию морали и просвещению своего народа. «Великого человека надо судить по тому, что он сделал для просвещения, морали и процветания потомства»⁷: Человечность и доброта, на ее взгляд, должны стать принципами государственности. Сталь — решительная противница «макиавеллизма» в политике — принесения правды, человечности, невинных жизней в жертву какому-либо абстрактному принципу, чаще всего называемому «общее благо». Принцип, который ставит политику над моралью, она называет «адским»: «Первая обязанность политики — заставить торжествовать мораль»⁸. Она особенно ценит мысль Руссо: «Свобода целой нации не стоит жизни невинного человека»⁹. Ценность исторического деятеля прямо пропорциональна его гуманности: «Гений проявляется не только в триумфе, которого он достиг, но и в тех средствах, которые он использовал для его достижения»¹⁰. «Моральное вырождение, наложившее печать на нацию, которую приучают к преступлениям, рано или поздно принесет ей больше вреда, чем все блага временных успехов»¹¹. Эти мысли Сталь находили многих поклонников в России, в частности, в пушкинском окружении. Еще в 1818 г. Н. И. Тургенев заносил в дневник: «Много красноречивых, прекрасных мест. Главная же черта, отличающая эту книгу от многих сего рода, есть: постоянная и пылкая любовь к свободе, любовь и уважение к человечеству, представление необходимою нравственности как в жизни частной, так и в политике»¹².

⁷ *Considérations sur les principaux événements de la Révolution française*, ouvrage posthume de madame la baronne de Staël, P, 1818, II, p. 419. В дальнейшем в сносках — *Considérations*, в тексте сокращенное название книги «Революция».

⁸ *De l'Allemagne par M-me La baronne de Staël — Holstein*, P., 1810, t. 5, p. 159.

⁹ Там же p. 153.

¹⁰ *Considérations*, I, p. 29.

¹¹ Там же.

¹² Н. И. Тургенев. Дневники и письма, Петроград, 1921, т. 3, стр. 155.

Писательница призывает к гуманности и состраданию к поверженным врагам, видя в этом истинное благородство человеческой натуры. В своей жизненной практике многолетней политической борьбы Сталь стремилась следовать принципу милосердия, снисхождения к побежденным, так что заслужила известную афористическую характеристику Талейрана: «Она любила вытаскивать из воды тех, кого накануне ей удавалось утопить»¹³.

Акту милосердия Сталь придает огромное значение: в ее представлении право совершать «милость» органически присуще «просвещенному» королю. Весьма характерно, что, рассуждая о причинах, вызвавших бегство Людовика XVI в Варенн 21/VI 1791 г., она, как на одно из самых оскорбительных для короля решений Национального Собрания, указывает на декрет об отмене «права милости»: «Его лишили права вершить милость, того права, которое должно существовать во всяком цивилизованном обществе и которое в монархии должно принадлежать только королю»¹⁴.

Тема гуманности, милосердия явственно звучит и в творчестве Пушкина после декабрьского восстания. «Земных властителей ничто не украшает, Как милосердие» (т. 4, стр. 356) «Оставь герою сердце, что же Он будет без него? Тиран!» (т. 3, стр. 200). Тема «милости» у Пушкина является не только предательством за декабристов, но и прославлением общечеловеческой гуманности. Идеал правителя в сознании Пушкина неразрывно связан с активным стремлением творить «милость». Петр I «Прощенье торжествует, Как победу над врагом» (т. 2, стр. 342) «незлобен памятью», «Виноватому вину, Отпуская, веселится» (т. 3, стр. 351), Екатерина «милует» Гринева, «милость» государя спасает и Клавдия и Анжело («И Дук его простил» (т. 4, стр. 375)). Не только Пугачев «Капитанской дочки», один из секретов обаяния которого заключается в поразительной, великодушной трехкратной «милости», оказанной Гриневу, но и жестокий вождь крестьянского восстания в «Истории Пугачева» способен на «милость»: «Когда он был для вас добр, — сказал самозванец, то я его прощаю» (т. 8, стр. 199).

Как величайшую свою заслугу Пушкин отмечает в «Памятнике», что он «милость к падшим призывал». В условиях России конца 20-30-х гг. тема гуманности, «милости» звучала как призыв к прощению, облегчению участи декабристов, как постоянное напоминание о них. Уже в 1826 г. в «Записке о народном воспитании» Пушкин хотел упомянуть о возможном прощении: «Вероятно, братья, друзья, товарищи погибших успокоятся временем и размышлением, поймут необходимость

¹³ Цит. по Gautier, Madame de Staël et Napoléon, P., 1902, p. 367.

¹⁴ Considérations, II, p. 40.

и простят оной (власти — Л. В.) в душе своей» (т. 7, стр. 43), в черновом варианте Пушкин добавил: «с надеждой на милость (курсив мой — Л. В.) монарха» (т. 7, стр. 627).

Эта тема несомненно связана с глубокой внутренней перестройкой у Пушкина, пережившего крушение надежд его юности. На смену революционным увлечениям пришло понимание глубокой сложности и противоречивости исторического процесса, Ю. М. Лотман в статье «Идейная структура «Капитанской дочки» убедительно раскрыл изменения социально-исторической концепции Пушкина в 30-е годы. «Когда-то, создавая оду «Вольность», Пушкин считал закон силой, стоящей над народом и правительством, воплощением справедливости. Сейчас перед ним раскрылось, что люди, живущие в социально-разорванном обществе, неизбежно находятся во власти одной из двух взаимоисключающих концепций законности и справедливости, причем законное с точки зрения одной социальной силы оказывается незаконным с точки зрения другой»¹⁵.

Хотя мысли Пушкина о человечности во многом переключаются с воззрениями Сталь, его взгляды в 30-е годы отличаются своеобразием. Поставив вопрос о соотношении социальной борьбы и критерия гуманности, Пушкин решает его в свете понимания противоречивости исторического процесса. «Увидев раскол общества на две противопоставленные борющиеся силы, он понял, что причина подобного раскола лежит не в чьей-либо злой воле, не в низких нравственных свойствах той или иной стороны, а в глубоких социальных процессах, не зависящих от воли или намерений людей»¹⁶.

Размышления Сталь, отразившие сильные и слабые стороны умеренного французского либерализма, более тенденциозны и узки, чем у позднего Пушкина. В своих теоретических рассуждениях о народном восстании писательница утверждает, что ярость народа всегда пропорциональна угнетению, которому он подвергался. «Жестокости бунта соответствуют несправедливости строя и упрекать за них нужно не то правительство, которое пришло к власти, а то, которое долгое время до этого определяло моральное состояние нации»¹⁷ или «Если негры в Сан-Доминго совершили больше жестокостей (чем французские крестьяне — Л. В.), то это лишь означает, что они были больше угнетены»¹⁸. Но ни эта справедливая мысль, ни искренние призывы к гуманности, не мешают писательнице решительно принимать сторону своего класса, как

¹⁵ Ю. М. Лотман. Идейная структура «Капитанской дочки», Пушкинский сборник Псков, 1962, стр. II.

¹⁶ Ю. М. Лотман. Идейная структура «Капитанской дочки», стр. 8.

¹⁷ *Considerations*, II, p. 120, I, p. 79.

¹⁸ Там же.

только речь заходит о практической оценке действий восставших. Она не желает вникать в мотивы их поступков, понимать внутреннюю логику их действий. Взгляды Сталь хорошо отражают природу либерализма, одинаково непримиримо относящегося и к реакционным воззрениям представителей феодально-монархической реакции, и к плебейско-якобинской революционности.

Пушкин в 30-е годы мыслит более широкими категориями. Ему не свойственен тенденциозно-догматический подход, ему доступна подлинная человечность. «Пушкину чужд односторонне-дидактический подход к истории. Он видит, что у каждой стороны есть своя, исторически и социально обоснованная «правда», которая исключает для нее возможность понять резоны противоположного лагеря»¹⁹.

В глазах Пушкина этический подход к жизни — свойство человеческой природы. В этом смысле эпиграф к четвертой главе «Евгения Онегина», «La morale est dans la nature des choses» («Нравственность в природе вещей») т. 5, стр. 78), взятый Пушкиным из «Революции» Сталь, представляет особый интерес. Сталь любила этот афоризм, он встречается в ее ранних произведениях²⁰. В книге о французской революции эти слова произносит Неккер, отец Жермены Сталь, обращаясь к Мирабо: «Вы слишком умны, чтобы не признать рано или поздно, что нравственность в природе вещей»²¹. Трудно определить точно, когда Пушкин решил предпослать этот эпиграф четвертой главе: ни в черновом, ни в беловом автографе его еще нет, и появляется он лишь непосредственно в напечатанном тексте главы в 1828 г. Н. Бродский перевел слова эпиграфа: «нравоучение в природе вещей»²², очевидно, имея в виду отповедь Онегина Татьяне. Нельзя согласиться с таким толкованием, чуждым концепции Сталь. Мысль Пушкина о том, что нравственность естественна для человека, подтверждается поведением Онегина в четвертой главе («Не в первый раз он тут явил Души прямое благородство» (т. 5, стр. 83). «Но вас Я не виню: в тот страшный час Вы поступили благородно» (т. 5, стр. 187). В эпиграфе заключен и более общий, гуманный и оптимистический смысл: человек по природе нравственен, ему свойственен этический подход к действительности. Такое понимание, однако, не исключает и некоторого иронического смысла эпиграфа («Так проповедовал Евгений» (т. 5, стр. 83), в связи с чем перевод Н. Бродского не лишен некоторого основания.

¹⁹ Ю. М. Лотман. Идейная структура «Капитанской дочки», стр. 8.

²⁰ См.: Oeuvres complètes de M-me la baronne de Staël, t. 1, P., 1820, p. XV.

²¹ Considérations, I, p. 403.

²² Н. Бродский и. Евгений Онегин роман А. С. Пушкина, Учпедгиз. М., 1964, стр. 206.

Понятия гуманности и нравственности в представлении Пушкина после 14/XII 1825 г. оказываются в тесной связи с вопросами образования, просвещения. Не случайно в «Записке о народном воспитании», первом значительном отклике поэта на восстание декабристов, вопрос о нравственности, моральных качествах занимает такое важное место: «В России домашнее воспитание есть самое недостаточное, самое безнравственное: ребенок окружен одними холопами, видит одни гнусные примеры, своевольничает или раболепствует, не получает никаких понятий о справедливости, о взаимных отношениях людей, об истинной чести» (т. 7, стр. 44). Или там же: «Уничтожение телесных наказаний необходимо. Надлежит заранее внушить воспитанникам правила чести и человеколюбия, не должно забывать, что они будут иметь право розги и палки над солдатами, слишком жестокое воспитание сделает из них палачей, а не начальников» (т. 7, стр. 47). «Записка о народном воспитании» написана Пушкиным под известным воздействием рассуждений Сталь о воспитании и образовании в России, высказанных ею в книге «Десять лет в изгнании», что убедительно доказал Б. В. Томашевский²³.

В просвещении Пушкин видит один из путей преодоления трагического разрыва между народной Россией и передовым дворянством, единственно возможный, на его взгляд, в данных исторических условиях путь к духовному раскрепощению народа.

Отношение Пушкина к проблеме просвещения также перекликается с воззрениями Сталь. В книге о французской революции писательница, придерживаясь просветительско-либеральной концепции истории, выражает убеждение, что подлинная политическая свобода может быть достигнута только в просвещенной стране. Она уточняет и конкретизирует смысл понятия «просвещения», которому энциклопедисты придавали несколько абстрактный смысл. «Просвещение нации заключается в насаждении здравых политических взглядов и образованности в науках и литературе среди представителей всех классов общества»²⁴.

По мнению Сталь, просвещение должно предшествовать свободе, лишь та страна способна достичь политической свободы, народ который имеет справедливые представления о политике. Просвещению нации, на ее взгляд, чрезвычайно способствуют широкая гласность, возможность публичного обсуждения всех актов правительства, свобода мысли и печати. В ее глазах, Англия — образец страны, где просвещение нации оказалось достаточным для достижения политической

²³ См.: Б. В. Томашевский. «Кинжал» и M-me de Staël. Пушкин и его современники. Материалы и исследования. Выпуск XXX I, Пг., 1923.

²⁴ *Considérations*, III, p. 246.

свободы. В России же, напротив, первостепенная задача, на ее взгляд, — просвещение. В книге «Десять лет в изгнании» она писала: «Этой нации свойственны энергия и величие, но порядка и просвещения все еще не хватает»²⁵. Один из поклонников идей Сталь в России Н. И. Тургенев, относившийся восторженно к ее книге о революции, решительно не соглашался с тем, что России нужно прежде стремиться достичь просвещения, а лишь затем бороться за политическую свободу²⁶. Пушкин же еще во времена южной ссылки во взгляде на Россию оказывался ближе к Сталь. Он писал в «Заметках по русской истории VIII в.»: «Петр не страшился народной свободы, неминуемого следствия (курсив мой — Л. В.) просвещения» (т. 8, стр. 122). Эту же мысль, что просвещение ведет к духовной свободе, а потому требует независимости и смелости от государственного деятеля, повторяет Пушкин в обращении к Николаю I в 1826 г., говоря о Петре I: «Самодержавною рукой Он смело сеял просвещение» (т. 2, стр. 342).

Несколько позже, в разгар полемики «Литературной газеты» с «Северной Пчелой» и «Московским Телеграфом» по поводу так называемых «литературных аристократов», Пушкин снова связывает воедино просвещение, общественное мнение и мораль и повторяет, что борьба за подлинное просвещение всегда требовала смелости и мужества: «...мало-помалу образуются и уважение к личной чести гражданина и возрастает могущество общественного мнения, на котором в просвещенном народе основана чистота его нравов. Таким образом дружина ученых и писателей, какого б рода они ни были, всегда впереди во всех набегах просвещения, на всех приступах образованности. Не должно ли малодушно негодовать на то, что вечно им определено выносить первые выстрелы и все невзгоды, все опасности.» (т. 7, стр. 198).

Носителем просвещения в России в первой трети XIX в. являлось образованное дворянство. Проблема просвещения, культуры оказывалась тесно связанной с вопросом о дворянстве, дворянской интеллигенции. Известно, какое огромное место в творчестве Пушкина 30-х годов занимает проблема роли и значения дворянства в обществе, его генеалогии, вопрос о древних родах и новой знати. Пушкин стремится охватить эту проблему во всей ее сложности, затрагивает ее в стихах, в прозе, в публицистике²⁷.

²⁵ M-me de Staël Dix années d'exil, Bruxelles, MDCCC XXI p. 233.

²⁶ См.: Дневники и письма Н. И. Тургенева, Пг., 1921, т. 3, стр. 158.

²⁷ «Моя родословная или русский мещанин» (1830), «Родословная моего героя» (1833), «К вельможе» (1829), неоконченные прозаические отрывки «Гости съезжались на дачу...» (1832), «Рославлев» (1831), «Роман в письмах» (1830) «Путешествие из Москвы в Петербург» (1834), многочисленные замечания в дневниках, письмах, полемика с Гречем, Булгариным и Погодиным и мн. др.

Интерес Пушкина к этой проблеме не случаен, он определен сложным комплексом причин. Прежде всего необходимостью защитить декабристов, дворянских революционеров, совершивших мученический подвиг во имя народа. В полемике против «литературных аристократов» Булгарин и К° неоднократно связывали осуждаемую ими «революционность» с дворянством, выступали против всего комплекса идей, связанных с декабризмом.

Внимание к исторической судьбе древних прославленных родов России определялось не только личной судьбой Пушкина, потомка некогда знаменитого рода («Мы такие же родовитые дворяне, как император и вы» (т. 8, стр. 60), «имя предков моих встречается поминутно в нашей истории» (т. 8, стр. 76), но и живым интересом поэта к истории России, к ее старине и традициям. «Для Пушкина русская история и Россия были как бы своей семьей, своим домом, по семейному родным, и история была чем-то вроде расширенной их, Пушкиных, семейной хроникой»²⁸, — писал Е. Тарле.

И, наконец, проблема дворянства, как выше уже говорилось, возникала в связи с проблемой просвещения народа.

Мысли Пушкина об исторических судьбах дворянства, его значении в национальной истории и роли в современном обществе во многом перекликаются с воззрениями Сталь. Хотя ее рассуждения о дворянстве были высказаны в иной исторической обстановке и относились к судьбам Франции, поэт мог найти в них многое, отвечавшее его собственным представлениям.

Для Сталь и Пушкина вопрос о дворянстве имеет две стороны. Первая — отношение к феодальному дворянству, как к классу притеснителей, анархичных, жестоких, постоянно борющихся за свои привилегии, носителей деспотизма, невежества, «барства дикого» («Какая дикость! — восклицает герой «Романа в письмах». — Для них не прошли еще времена Фонвизина. Между ними процветают еще Простаковы и Скотинины!» (т. 6, стр. 73).

С другой стороны — взгляд на дворянство, как на самый просвещенный класс, продолжатель лучших культурных традиций, носитель свободолобивого начала, способный противостоять деспотизму любых временщиков. До 14/XII 1825 г. Пушкин делает упор на первом аспекте, после восстания дворянских революционеров на втором.

Оба эти подхода заметно выступают в книге Сталь. Писательница критикует аристократию за консерватизм («дворянские предрассудки делали невозможным всякий вид свободно-го правления») ²⁹, за эгоизм, окостенелость (по ее замечанию,

²⁸ Цитирую по книге Е. Винокурова «Поэзия и мысль», Издание «Советский писатель», М., 1966, стр. 50.

²⁹ *Considérations*, I, p. 31.

дворяне мечтали о порядках двухсотлетней давности, о новом Иисусе Навине, который бы остановил солнце), она убеждена, что «нигде аристократия не была так чужда народу, как во Франции»³⁰. Жермена Сталь решительно осуждает поведение знати во время революции и реставрации. О защитниках дворянско-католической реакции она отзывалась весьма сурово: «Им необходимы произвол власти, религиозная нетерпимость, придворная аристократия, которая видела бы исключительно свои заслуги в родословном древе, народ невежественный и бесправный, армия, низведенная до простого механизма, стеснение печати, отсутствие суда присяжных, отсутствие всякой гражданской свободы, и взамен всего этого — полицейские шпионы и продажная журналистика, которая восхваляла бы весь этот мрак»³¹.

Но вместе с тем Сталь живо ощущает и то свободолюбивое начало, которое связано со стремлением дворянства к независимости, и историческую роль древних прославленных родов. В ее глазах, они как бы представляют живую историю Франции, они носители культуры, лучших традиций рыцарских времен, «благородного кодекса чести».

Преклонение, которое испытывает Сталь перед древней аристократией, «историческими фамилиями» было, разумеется, чрезмерно. Дочь женеvского банкира, жена барона, шведского посланника, Жермена Сталь сама не принадлежала к старинной знати, но «великие имена были для нее живой историей и говорили ее воображению... Она не могла забыть, что среди старых дворян были ее первые друзья, что в их среде блеснули ее первые лучшие дни»³², — писала ее подруга и первый биограф г-жа Неккер де-Соссюр.

Объективно апология аристократии в момент выхода книги о французской революции в свет (1818), в обстановке торжествующей реакции во Франции, была по меньшей мере несвоевременна. Многие из тех, кто критиковал «Революцию» Сталь с демократических позиций»³³, порицали писательницу за это преклонение перед древними родами: «Суеверное благоговение перед «историческими фамилиями», это преклонение перед высшей аристократией, повергали ее вообще столь здравый ум в большие заблуждения»³⁴ — писала «Минерв Франсэз» в отклике на книгу Байеля о «Революции» Сталь.

³⁰ *Considérations*, II, p. 322.

³¹ Там же, III, p. 19.

³² M-me Necker de Saussure. Notice sur le caractère et les écrits de M-me de Staël. *Oeuvres complètes de M-me de Staël* P. 1820, t. I p. cecij.

³³ См.: Bailleul Examen critique de l'ouvrage posthume de M-me la Baronne de Staël, ayant pour titre *Considérations sur les principaux événements de la Révolution française*, Paris 1818.

³⁴ *Minerve Française*, 1818, II, p. 320.

Французская писательница, хотя теоретически и признает враждебность аристократии интересам нации, практически, анализируя ход революции, осуждает решительные действия Конвента против дворянства. Следуя своему принципу «милость побежденным», она сожалеет о древних аристократических родах, которые разметала революция. Сталь отказывается понимать, что в борьбе не на жизнь, а на смерть, которую вела революционная Франция, только якобинские непримиримость и последовательность могли спасти страну. Позиция Пушкина, выступившего после декабрьского восстания в защиту дворянства, глубоко отлична от позиции Сталь. В эту эпоху в России именно передовое дворянство, а не буржуазия, как это было во Франции, оказалось носителем революционных идей. Однако при всем отличии французского и русского дворянства в их исторических судьбах есть много и общего, что определило сходную позицию французской писательницы и русского поэта.

Прежде всего Пушкин и Сталь, как уже отмечал Б. Томашевский, трактуют дворянство не как класс, а как политическое установление, «которому должны быть предоставлены социальные преимущества, обеспечивающие его политическую миссию»³⁵. Дворянство, писал Пушкин, «должно быть ограждено и недоступно, иначе, как по собственной воле государя» (т. 8, стр. 59).

С точки зрения Сталь, в «идеальном» государстве, конституционной монархии английского типа, где «справедливо» уравновешены права короля, народа и аристократии, интересы последней должна защищать верхняя палата, наследственная магистратура. Она обеспечивает положительный консерватизм в законодательном статусе и служит посредником между народом и королевской властью. Пушкин придерживается того же взгляда: отсутствие верхней палаты, в его глазах, — признак республиканского способа правления. В этом плане интересно его замечание о французской конституции 1891 г., утвердившей однопалатный парламент и тем самым, фактически, изолировавшей аристократию. Хотя власть короля номинально признавалась народом, способ правления, по мнению Пушкина, уже не был монархическим. По утверждению Пушкина, которое может показаться на первый взгляд парадоксальным, «порядок, установленный Генеральными Штатами, являлся по существу республиканским — духовенство и знать, представлявшие собой верхнюю палату, были не промежуточной ступенью между королевской властью и народом, а лишь одним крылом той же палаты» (т. 8, стр. 567). С этой же позиции критиковала французскую конституцию 1791 г. и Жермена Сталь.

³⁵ Б. В. Томашевский. Пушкин, II, стр. 439.

При формировании верхней палаты важное значение, по мнению Сталь, имеет принцип наследственности: «Никакая ограниченная монархия невозможна без наследственной (курсив мой — Л. В.) магистратуры, в которую входят родовые воспоминания»³⁶.

Пушкин также придает принципу наследственности большое значение, как гарантии независимости знати. В статье «О дворянстве» (1831 г.) он писал: «Не наследственная (на деле) знать есть знать пожизненная. В этом средство окружить деспотизм преданными наемниками и подавить всякую оппозицию, всякую независимость. Наследственность высшей знати — гарантия ее независимости.» (т. 7, стр. 537). Принцип наследственности при формировании верхней палаты широко обсуждался в декабристских кругах в конце 10-х гг., во время полемики Н. И. Тургенева с защитниками «аристократической» конституции (Мамонов, Орлов). Все эти споры как-то определяли точку зрения Пушкина, оказавшуюся в то же время созвучной и взглядам Жермены Сталь.

Общим для Пушкина и Сталь оказывается и весь комплекс идей об исторических судьбах дворянства, его роли и значении в жизни нации, в просвещении, в сохранении культурных традиций. Писательница рассматривает историю древних дворянских родов, как важнейшей компонент всей национальной истории Франции. В глазах Сталь, названия поместий, имена родов, титулы, гербы составляют как бы живую историю страны. Она восставала против отмены Законодательным собранием дворянских титулов, лишения дворян их поместий, считая, что тем самым Франция отказывается от своей истории: «Францию сравнивали с колонией, у которой больше нет прошлого»³⁷. Высоко ценя культ «родовых воспоминаний», уважение к предкам, которое в ее глазах является признаком просвещенной нации, она писала о декрете, отменяющем титулы: «Это означало отнять у Франции ее историю и память о предках»³⁸.

Эти взгляды Сталь оказались весьма близки Пушкину. В произведениях 30-х гг. можно встретить многочисленные замечания поэта о значении «исторической памяти» народа, уважении к прошлому, к предкам, высказанные и от лица автора, и устами героев пушкинских произведений: «Уважение к минувшему — вот черта, отличающая образованность от дикости, кочующие племена не имеют ни истории, ни дворянства» (т. 7, стр. 225) «Дикость, подлость и невежество не уважают прошедшего, пресмыкаясь перед одним настоящим» (т. 7, стр. 196), «Очарование древностию, благодарность к прошед-

³⁶ *Considérations*, I, p. 364.

³⁷ *Considérations*, I, p. 365.

³⁸ *Considérations*, I, p. 366.

шему... для нас не существует... Мы гордимся не славою предков, но чином какого-нибудь дяди или балами двоюродной сестры» (т. 6, стр. 569) «Образованный француз или англичанин дорожит строкой старого летописца, в которой упомянуто имя его предка, павшего в такой-то битве... но калмыки не имеют ни дворянства, ни истории. Дикость, подлость и невежество не уважают прошедшего, пресмыкаясь перед одним настоящим, и у нас иной потомок Рюрика более дорожит звездой двоюродного дядюшки, чем историей своего дома, т. е. историей отечества» (т. 7, стр. 196). Очевидно, что эти мысли чрезвычайно дороги для Пушкина. Не случайно он многократно повторяет их, буквально в одних и тех же словах. И рассуждения поэта о «кочующих племенах», «калмыках», не имеющих истории, самым непосредственным образом перекликаются с высказываниями Сталь о колониях. Итог этих размышлений — страстная фраза Пушкина в письме к Чаадаеву, который в это время во многом близок Пушкину и в то же время вызывает протест поэта: «честью клянусь, что ни за что на свете не хотел бы я переменить отечество или иметь другую историю, чем история наших предков, какой ее дал нам бог» (т. 10, стр. 598).

На страницах «Революции» Сталь уделяет большое внимание историческим судьбам дворянства, прослеживает генеалогию аристократических родов. Унижение королевской властью родовитого дворянства, превращение гордых и независимых феодалов в услужливых придворных рассматривается писательницей, как одна из форм победы деспотизма над свободой. Подходя с либерально-просветительской точки зрения к историческому прошлому Франции, Сталь пишет: «Превращение знати в придворных явилось могучим средством деспотизма, а, следовательно, ступенькой к деградации»³⁹. Писательница прослеживает историю упадка аристократии, в которой особо мрачная роль отводится ею Ришелье и Людовику XIV, словившим дворянам дух придворного угодничества, «самый низменный из всех возможных»⁴⁰. Подавление вольнолюбивых стремлений дворянства, по Сталь, — важный шаг к усилению деспотизма королевской власти, что в конечном итоге, было одной из причин революции.

Сталь считает, что унижению знатных родов весьма способствовало также введенное Филиппом Смелым «пожалование дворянства» (*lettres de noblesse*, «*annoblissement*», по Сталь), усиленно практиковавшееся Людовиком XIV и Людовиком XV и доведенное до жалкого фарса Наполеоном, во время правления которого все вдруг, как на маскараде, выряди-

³⁹ *Considérations*, I, p. 80.

⁴⁰ *Considérations*, I, p. 133.

лись в маски графов, маркизов, баронов. Сталь не скрывает своего презрения ко всем этим дворянам «новой фабрикации», невежественным, беспринципным, стремящимся к обогащению. По ее мнению, этих новоиспеченных дворян, этих «выскачек» (*raguepus*) никто не принимает всерьез, так как «дворянство теряет всякую власть над воображением, если оно не восходит вглубь времен»⁴¹.

Пушкин также изучает генеалогию древних родов, анализирует политические и экономические причины их упадка, сожалеет об угасании родовой знати — творца русской истории, носителя подлинной культуры: «Смотря около себя и читая старые наши летописи, я сожалею, видя, как древние дворянские роды уничтожались...» (т. 7, стр. 196), «я без прискорбия никогда не мог видеть уничтожения наших исторических родов; никто у нас ими не дорожит, начиная с тех, которые им принадлежат... Прошедшее для нас не существует. Жалкий народ!» (т. 6, стр. 72). Пушкин, как и Сталь, высоко ценит «родовые воспоминания» считая их важнейшей частью национальной истории, свойством «исторической памяти» народа: «Семейственные воспоминания дворянства должны быть историческими воспоминаниями народа» (т. 6, стр. 72). Так же, как Сталь на материале французской истории проследивает все этапы постепенного подчинения дворянства королевской властью, Пушкин на материале русской истории изучает тот же процесс: уничтожение местничества, табель о рангах Петра I, указ 1809 г. о гражданских экзаменах, развитие чиновничества, бюрократии.

В его глазах, это большей частью выскочки, внезапно разбогатевшие: «Денщики, певчие, хохлы — вот их родоначальники» (т. 6, стр. 568). Они окружают трон раболопной толпой, за ними нет никаких исторических заслуг («меж ними нет ни одной моральной власти, ни одно имя не натвержено мне славой» (т. 6, стр. 567), они невежественны, но претендуют на просвещенность («обезьяны просвещения» (т. 6, стр. 203). Отличительная черта «холопа знатного» (т. 2, стр. 202) — чванливость: «Смешно только видеть в ничтожных внуках пирожников, денщиков, певчих и дьячков спесь герцога Моптогасу...» (т. 6, стр. 569). Так же, как Сталь, Пушкин остро ощущает противопоставление «новой» и «старой» знати, унижение последней, он усматривает в упадке и унижении родовитого дворянства одну из причин декабрьского восстания, т. к. большинство декабристов принадлежало к этим униженным древним родам.

По мнению Пушкина, потомки некогда прославленных и угасающих дворянских родов составляли в его время наиболее образованную часть русского общества, его интеллигенцию.

⁴¹ *Considérations*, I, p. 72.

Именно они — носители подлинного просвещения, продолжатели лучших культурных традиций нации, из их числа выходят и многие писатели русские: «Старинное дворянство... ныне по причине раздробленных имений, составляет у нас род среднего состояния, состояния почтенного, трудолюбивого и просвещенного, состояния, коему принадлежит и большая часть наших литераторов (т. 7, стр. 208).

Показывая изменения в положении родовитого дворянства в связи с его быстрым разорением и упадком, Пушкин стремится определить разницу в положении русских литераторов начала XIX в. и 30-х годов. В начале века это была небольшая группа дворян, материально вполне независимых, занимавшихся литературой из любви к искусству. Подтверждение этой мысли Пушкин находит в книге Сталь «Десять лет в изгнании»: «У нас, как заметила M-me de Staël, словесностию занимались большей частью дворяне (En Russie quelques gentilshommes se sont occupés de la littérature), т. 7, стр. 286) ⁴². Между тем в 30-е годы все изменилось, основные силы литераторов составились из представителей обедневшего дворянства, нуждающегося в заработке, в оплате литературного труда. Как известно, во время полемики «Литературной газеты» с «Северной Пчелой» и «Московским Телеграфом» Булгарин и К° взяли под обстрел эту новую интеллигенцию, «мещандворян», «простолюдинов-аристократов», а Пушкин весьма успешно защищал это «почтенное, просвещенное и трудолюбивое» сословие. Poleмика послужила толчком ко многим раздумьям Пушкина над судьбами дворянства.

Своеобразие полемики связано с особенными условиями российской действительности 30-х годов. Пушкин, как известно, враждебно относился не только к «светской черни» (т. 6, стр. 203), но и к «черни литературной», «литературным башкирцам» (т. 7, стр. 206). Этим определяется борьба поэта с Булгариным, Н. Полевым, Гречем и др. Конечно, продажный литератор, агент третьего отделения Булгарин и Полевой далеко не одно и то же. Но для Пушкина и тот и другой представлялись выразителями направления, противостоящего лучшим традициям дворянского свободолюбия, дворянской культуры, всех тех идей, связанных с декабризмом, которые Булгарин и К° объединили под именем «литературного аристократизма». Противники «литературных аристократов» были связаны с развитием буржуазных идей в России и отражали в своих высказываниях особенности идеологии русской буржуазии на сравнительно раннем этапе ее развития, характерной для России конца 20-х — начала 30-х годов. В этом отношении никакой идейной близости Пушкина с французской писательницей, разумеется, быть не может. Концепция Сталь, не успевшей

⁴² Пушкин цитирует не точно.

разочароваться в буржуазной системе, существенно отличается от глубоко антибуржуазных воззрений Пушкина.

В размышлениях Пушкина о дворянстве отразился его общий живой интерес к историческим судьбам России и Европы. Его интересуют народные движения, переломные эпохи, могучие личности. В произведениях Пушкина 30-х годов виден новый подход к истории, понимание внутреннего движения, диалектики исторического процесса, социального смысла столкновений, народности — всего того, что входит в понятие «пушкинского историзма» — крупнейшего достижения русской мысли 30-х годов. Обращаясь к истории, Пушкин стремится к объективному взгляду на события, восстает против исторической фальши, легенд, фальсификации. Разоблачает ли он легенды о «славном, осьмнадцатом» столетии или высмеивает нелепости исторических романов⁴³, дает ли анализ трудов по русской истории⁴⁴ или создает сам произведения исторического характера — его первое требование — понимание характера народной жизни и верность фактам. Полемизируя с официальной историографией своего времени⁴⁵, он создает «своего» Пугачева, «своего» Бориса Годунова и «своего» Петра. Уже в «Записке о народном воспитании», адресованной Николаю, Пушкин с большой смелостью приводит, как пример обычного искажения истории, толкование официальной историографией убийства Брутом Цезаря, как преступления. Если история будет преподаваться объективно, «можно будет с хладнокровием показать разницу духа народов, источника нужд и требований государственных, не хитрить, не искажать республиканских рассуждений, не позорить убийства Кесаря, превознесенного 2000 лет, но представить Брута защитником и мстителем коренных постановлений отечества, а Кесаря честолюбивым возмутителем» (т. 7, стр. 48).

В этом требовании объективности, внимания к национальному, в отвращении к исторической фальши Пушкин перекликается со Сталь. Не случайно в статье «Юрий Милославский, или русские в 1612 г.», высмеивая несуразности и анахронизмы на страницах исторических романов, Пушкин упоминает высказывание Жермены Сталь. Пытаясь понять, почему люди столь легковерно принимают нелепые вымыслы исторических романов за чистую монету, Пушкин спрашивает: «Потому ли, что люди, как утверждала Madame de Staël, знают только историю своего времени и, следовательно, не в состоянии за-

⁴³ «О Мильтоне и Шатобриановом переводе «Потерянного рая», «Юрий Милославский или Русские в 1612 году», «Джон Теннер» «О романах В. Скотта».

⁴⁴ «История русского народа, сочинение Н. А. Полевого»

⁴⁵ См.: А. Грушкин. Пушкин 30-ых г. г. в борьбе с официозной историографией, Пушкин, Временник пушкинской комиссии 45, Изд. АН СССР М.—Л., 1939, стр. 236.

метить нелепости романтических анахронизмов?» (т. 7, стр. 102). Сталь высказала эту мысль («люди хорошо знают только историю своего времени») ⁴⁶, на страницах своей книги о французской революции, борясь против официальной историографии роялистской реакции, утверждавшей, что в течение восьми столетий, предшествовавших революции, «французская нация покоилась на розах» ⁴⁷.

Размышляя о причинах неудачи декабристов, о возможных путях развития, Пушкин стремится осмыслить целесообразность насильственного вторжения человеческой воли в ход истории. Эти поиски закономерно привели писателя к исторической теме, к изображению Петра I, к раздумьям о Радищеве, к теме народного восстания. Правы ли были Петр I, величайший, в глазах Пушкина, из русских царей, властно вторгавшийся в историю («Робеспьер и Наполеон одновременно», «строитель чудотворный»), Радищев, призывавший народное восстание, Пугачев, пытавшийся его осуществить? Как примирить стабильность — «первое условие общественного благополучия» (т. 7, стр. 530) с вечным движением? Весь этот круг «проклятых» вопросов истории закономерно приводит Пушкина к теме французской революции, узловой эпохе, в которой кроются корни всего будущего Европы.

В начале 30-х годов Пушкин задумывает большой труд по истории французской революции, начинает собирать материалы, делает многочисленные выписки из книг по французской истории различных авторов ⁴⁸. В июне 1831 г. Пушкин писал Е. М. Хитрово: «Я предпринял исследование о французской революции и умоляю прислать мне Тьера и Минье, если возможно. Оба эти труда запрещены. У меня здесь лишь имеются Мемуары, относящиеся к революции (т. 10, стр. 355). Замысел Пушкина не был завершен, остались лишь черновой план, конспект и несколько разрозненных замечаний. Но и эти материалы, несмотря на их отрывочность, многое раскрывают. Пушкин предполагал начать свой труд «с самого начала», вскрыть корни революционных событий в далеком прошлом. В плане и заметках почти нет ничего о самой революции, зато тщательно прослеживается линия политического и экономического развития страны с момента ее образования. Пушкин подчеркивает важность такого подхода: «Прежде нежели приступим к описанию преоборота (в первом варианте «великого преоборота» — Л. В.) ниспровергшего во Франции все до него существовавшие постановления, должно сказать, каковы были сии постановления» (т. 8, стр. 131).

⁴⁶ *Considérations*, I, p. 16.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ См.: Я. Ясенский. Пушкин и история французской революции. Пушкин. Временник пушкинской комиссии. 4—5, изд. АН СССР, М.—Л., 1839.

С примером подобного подхода к революции Пушкин был уже знаком, «в этом отношении он имел уже образец перед глазами»⁴⁹: он был дан в столь хорошо известной Пушкину книге Жермены Сталь «Взгляд на основные события французской революции». Сталь предпослала непосредственному исследованию событий революции развернутый исторический обзор, который должен был объяснить происхождение революции, ее закономерность и неизбежность. «Французская революция, — писала она, — одна из величайших эпох в истории общества... Те, кто считают ее случайным событием, не заглядывали ни в прошлое, ни в будущее. За актерами они не увидели пьесы»⁵⁰. Она дает очерк истории Франции на протяжении восьми столетий, предшествовавших революции, отведя этому обзору около 40 стр. В этом плане писательница была новатором и исключением среди первых историков, авторов книг о революции⁵¹.

План задуманного Пушкиным труда, факты, имена и события французской истории, отмеченные в нем, во многом совпадают с отбором имен и событий и их трактовкой в обзоре Сталь. Однако эта близость объясняется не тем, что Пушкин следовал за французской писательницей, а скорее тем, что и Сталь и Пушкин черпали сведения о французской истории из одного источника — «Опыта о нравах» Вольтера. Совпадение с подходом Сталь проявилось не в отборе тех или иных имен и событий, а в самом принципе изучения революции, в стремлении Пушкина заглянуть в глубины французской истории, чтобы понять современность.

Свое восхищение французской писательницей, идейную близость ее взглядам, глубокую признательность ей Пушкин выразил, выведя Сталь героиней неоконченной повести «Рославлев». Используя заметки Сталь о ее пребывании в России, которые он очень высоко ценил («Взгляд быстрый и проницательный, замечания разительные по своей новости и истине... — все приносит честь уму и чувствам необыкновенной женщины» (т. 7, стр. 23), Пушкин создал удивительно верный образ Сталь «знаменитой гостьи», «благородной чужеземки», которую «Наполенон удостоил гонения... Байрон своей дружбы, Европа своего уважения» (т. 7, стр. 25), носительницы идей подлинного просвещения, гуманности и свободолюбия, сумевшей заметить и оценить душевную красоту русского народа и пустоту и бездушие «светской черни».

⁴⁹ Б. В. Томашевский. Пушкин и Франция, стр. 198.

⁵⁰ Considerations, I, p. 3.

⁵¹ В «Истории Французской революции» Тьера исторический обзор отсутствует, в «Истории французской революции с 1789 до 1814 г.» Минье обзор дан на шести страницах.

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

ПСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ им. С. М. КИРОВА

КАФЕДРА ЛИТЕРАТУРЫ

ПУШКИНСКИЙ СБОРНИК

ПСКОВ

1968